

Новое время.

№ 9798, 1903.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Въ чужомъ яру.

Въ «Temps» я прочелъ надняхъ докладъ Марсея Прево и Капюса по поводу ихъ поѣздки въ Россію.

Два талантливыхъ молодыхъ писателя ѣхали въ далекую холодную страну не безъ опаски. Имъ предстояла нелегкая миссія—добиться у сѣверныхъ собратьевъ литературной конвенціи.

«Allez-y!»,—говорили имъ на прощаньи въ Парижѣ.

А порывистый ледяной вѣтеръ всю дорогу насвистывалъ что-то весьма прощипское...

Но вотъ они въ Петербургѣ. Какъ разъ юбилей города. Улицы убраны флагами и зеленью. Сердца бьются учащенно и открыты для излияній. Какъ разъ открытіе новаго писательскаго союза при Театральномъ обществѣ. Оба расстроганные и довѣрчивые французъ сочли это за доброе предзнаменованіе. Въ тотъ же день въ редакціи «Новаго Времени» оба они наперерывъ рассказывали свои планы. Сколько смѣлыхъ надеждъ, радужныхъ упованій! Затѣмъ застѣзаніе новаго Союза. Дружественныя объятія, дружественныя рѣчи. Долгій товарищескій обѣдъ съ шампанскимъ, экспромптами и даже съ цыганскими романсами. На другой день и на Невѣ, и на Сенѣ публика прочитала въ газетахъ, что два французскіе писателя сдѣлались русскими. Не прошло и недѣли, какъ къ нимъ присоединились еще нѣсколько извѣстныхъ именъ: Сарду, Ростанъ, Бріе, Мирбо, Донне и др. Публика восторгалась отъ восторженнаго изумленія. Публика вѣдь и знала, и любила этихъ чужихъ писателей гораздо болѣе, чѣмъ многихъ своихъ. По крайней мѣрѣ добрая половина русскихъ фамилій изъ числа участниковъ союза ничего не говорила ни уму ихъ, ни сердцу.

— Ахъ, какъ это интересно,—говорили вокругъ,—а что жъ будетъ съ Александринскимъ театромъ?..

Прево и Капюсъ уѣхали. Не знаю, что напѣввалъ имъ вѣтеръ на обратномъ пути и что говорили имъ при встрѣчѣ въ Парижѣ. Но докладъ ихъ, ихъ бесѣды съ интервьюерами полны знакомъ восклицанія. Какой приемъ, какое радушіе и... какой просторъ! Русскіе братья передавали ихъ изъ однихъ объятій въ другія, забросали комплиментами,—словомъ «общали полъ-міра, но Францію только себѣ». Полное сочувствіе французскіе писатели встрѣтили и

въ нашихъ правительственныхъ сферахъ. Французы уѣхали, очарованные русской отзывчивостью и русской солидарностью. Вторую, докладъ ихъ, восторженный и побѣдный, напоминаетъ рапортъ о взятіи по крайней мѣрѣ Пекина или Тянь-Цзиня.

Я опускаю много подробностей и представляю всю исторію съ точки зрѣнія публики, ибо и пишу исключительно для публики. Вы уже вѣроятно знаете о дальнѣйшемъ? Минували юбилейные дни... Зелень и флаги были сорваны, шампанское выпито, газеты забыты. Все вошло въ свою обычную колею. Снова загуляла пыль по петербургскимъ улицамъ, сѣренькіе будни овладѣли городомъ, а новое общество замкнулось въ канцелярію и прежде всего озабочилось о возможно большемъ количествѣ канцелярскихъ служителей.

И вотъ не прошло мѣсяца, какъ новоявленный департаментъ извѣстилъ публику о своей полной безпомощности. Правленіе должно быть ужаснулось за участіе отечественныхъ плагиаторовъ и поспѣшило къ нимъ на помощь. Только такъ можно объяснить недавнее заявленіе о несостоявшемся литературномъ франко-русскомъ союзѣ.

Не знаю, какъ будетъ принято это извѣстіе въ Парижѣ, но въ Петербургѣ оно произвело самое грустное впечатлѣніе. Та самая публика, которая еще такъ недавно умилялась картинѣ литературнаго братанія, повергнута теперь въ полное недоумѣніе. Какъ! Отказать въ дружбѣ Сарду, Ростану, Прево, Капюсу, Донне, Мирбо! Кто же эти великіе соотечественники, что замкнулись въ своемъ неприступномъ величіи? И вотъ имъ преподнесли имена. Но не въ именахъ дѣло. Есть одно имя для большинства изъ нихъ и имя это—плагиатъ.

Вотъ любопытная сценка, рисующая нравы русскаго литературнаго воровства. Это напечатано въ «Figaro» со словъ Прево, а послѣднему рассказывалъ одинъ русскій цензоръ. Въ цензуру принесли только-что отпечатанный французскій экземпляръ новой пьесы О. Мирбо «Les affaires sont les affaires». Цензоръ сталъ читать и, къ удивленію своему, сразу замѣтилъ, что пьесу эту онъ гдѣ-то читалъ раньше. Наконецъ онъ вспомнилъ, что читалъ ее по-русски съ русскими именами, но съ одинаковымъ фабулой, дѣйствіемъ и сценами. Какъ могло это случиться? Очевидно юркій отечественный плагиаторъ перехватилъ пьесу въ Парижѣ и пустилъ ее въ Россію, заимѣвъ прежнюю Селину Акулиной и т. д.

Подобныхъ и еще болѣе невѣроятныхъ случаевъ бываетъ у насъ въ изобиліи. Нечему слѣдить за такимъ безобразіемъ, некому преслѣдовать. Конвенція должна была положить конецъ литературному мародерству. И вопли понятны, какой переполохъ

произвело заявленіе о новомъ союзѣ въ плагиаторскомъ муравейникѣ и какъ струхнули рыцари легкой наживы. А тутъ какъ разъ случилось еще болѣе невѣроятное событіе. Союзъ покрылъ плагиаторовъ цитомъ кудаго великодушія. «Мы ставимъ прежде всего интересы русскихъ писателей!»—сказано въ этомъ курьезномъ воззваніи новаго правленія къ мародерствующимъ воинамъ. А войны, прочитавъ это воззваніе, должны были воскликнуть:

— «Живіо!»

Еще кому на руку такое рѣшеніе, такъ это переводчикамъ. Имъ тоже не сладко пришлось бы съ конвенціей. Во-первыхъ съ матеріальной стороны, а во-вторыхъ со стороны авторскаго самолюбія, едва ли не самаго большого изъ всѣхъ самолюбіи. Представьте что Капюсъ или Прево не примутъ услугъ какого-нибудь вольнопрактикующагося Поликарпова или Сидорова, а будутъ искать умѣлаго переводчика. Что дѣлать Поликарпову съ Сидоровымъ? Разумѣется они должны будутъ искать другого способа къ существованію.

Что касается «интересовъ русскихъ писателей», о которыхъ печется правленіе, то никакъ непонятно, какой убытокъ былъ бы имъ отъ конвенціи. Ихъ бы переводили болѣе, и болѣе бы имъ платили. Разумѣется переводили бы не все, что они пишутъ и, не всѣхъ. Но то же самое происходило бы и съ французскими писателями. Намѣсто иностранной заваля, которой силкомъ и рядомъ подкупаютъ насъ въ театрахъ, давались бы избранныя произведенія.

Я слава Богу не русскій драматургъ, не переводчикъ и не плагиаторъ. Я не пишу, не перевожу и не краду чужихъ драмъ, плохихъ и хорошихъ. Стало бытъ въ пристрастіи обвинить меня нельзя. Но потому, что я вижу столько плохихъ пьесъ нашихъ и чужихъ, я такъ пламенно и жалею продвѣтаніи драматическаго искусства. Почему бы у насъ и не быть конвенціи? Но только она должна была пройти черезъ другія ворота. Сами писатели безъ участія неудавшихся карьеристовъ должны были провести ее и утвердить въ правахъ личнаго распорядка. Конвенція слово политическое. А писатели вообще плохіе политики. Они въ большинствѣ слишкомъ довѣрчивы и слишкомъ увлекающіеся люди. Вотъ почему такъ легко одолѣло ихъ чиновничье нашествіе. А что такое нашествіе не выдумка, лучше всего доказываетъ разыгранная исторія. Чиновническая саранча плотно сѣла на свѣжіе всходы. Все было раздѣлено на департаменты, на столы и стулья. Во главѣ дѣла оказались не писатели и не артисты, а театральные чиновники, юристы и стряпчіе. Множество полудѣйскихъ участковъ образовалось за послѣднее время около театра! И это все за тѣмъ, чтобы ни одинъ литературный воръ или босякъ не остался безъ крова.

Я пишу все это по простотѣ, безъ многословныхъ отвлеченій и безъ дальнихъ разсужденій. Слишкомъ много разсуждаютъ по этому поводу и безъ меня. Всѣ чиновники, юристы и стряпчіе сочиняютъ теперь свое особое мнѣніе по этому поводу. И это только еще болѣе убѣждаетъ меня въ ихъ полной неискренности. Я представляю на судъ недоумѣвающей публики только сущность вопроса.

А за сими чести нѣмю поздравить съ новымъ департаментомъ полныхъ сборовъ и съ производствомъ плагиата въ степени дѣйствительнаго статскаго грабежа.

Юр. Бѣляевъ